

УДК: 316.6, 005.95

1.5. Динамика социальных представлений о будущем России: структурный сдвиг 2024-2025 годов

Ноакк Н.В., Костина Т.А., Ивлева А.Е.
ЦЭМИ РАН, Москва, Россия

В статье представлены результаты комплексного исследования динамики социальных представлений о будущем в российском обществе за период 2024–2025 годов. На основе сравнительного анализа данных всероссийского опроса 2024 года ($N = 800$, респонденты с высшим образованием), авторского исследования 2025 года ($N = 80$) и масштабного опроса Mail.ru ($N > 7000$) выявлены статистически значимые структурные изменения в коллективном сознании. Зафиксирован радикальный рост технологической ориентированности: доля технологических ассоциаций увеличилась с 19,8 % до 60,0 % (+40,2 п.п.), что согласуется с общероссийским трендом (64,7%). Одновременно наблюдается парадокс амбивалентности: параллельный рост позитивных (технологический оптимизм) и негативных (тревожность — с 14,1 % до 45,0 %) категорий. Подтверждён феномен «приватизации будущего»: категория «Личное счастье и семья» выросла с 10,9 % до 93,0 %. Выявлена качественная трансформация ассоциативного поля: среднее число ассоциаций на респондента увеличилось в 3,5 раза (с 1,125 до 3,988), что свидетельствует о переходе от моноплитного нарратива к мозаичной, фрагментированной структуре. Методологическая новизна исследования заключается в разработке и применении индекса структурного сходства (SSI), который показал рост структурной близости между авторскими данными и опросом Mail.ru с 0,41 до 0,71, подтверждая конвергенцию выявленных трендов с общероссийскими. Результаты интерпретируются в рамках теорий «текущей современности» (З. Бауман), неопределенности (Т.А. Нестик), «способности к устремлению» (А. Аппадура), а также дополнены современными психологическими концепциями: теорией самодетерминации, психолингвистикой метафор, подходами к когнитивной сложности и временной перспективе. Исследование демонстрирует, что трансформация социальных представлений о будущем представляет собой не дезорганизацию, а сложный адаптационный синдром, направленный на сохранение психологической устойчивости в условиях системной неопределенности.

Введение

В условиях геополитической нестабильности, технологических трансформаций и культурных сдвигов будущее перестаёт восприниматься как предсказуемая траектория и становится объектом активного социального конструирования. Социальные представления о будущем — это не просто прогнозы, а регулятивные конструкты, формирующие поведенческие установки, экономические решения, политические предпочтения и жизненные стратегии индивидов и групп.

В российском контексте эта проблематика приобретает особую остроту. За последние годы произошёл глубокий пересмотр коллективных ориентиров: идеологические нарративы утратили силу, а новые смысловые системы пока не сформированы. В этих условиях особенно важно отслеживать микродинамику социальных представлений — те зарождающиеся сдвиги, которые ещё не фиксируются в официальной статистике, но уже определяют поведение общества.

Эмпирические исследования последних лет демонстрируют устойчивую тенденцию к типологизации отношения к будущему. Так, на основе всероссийского опроса ВЦИОМ 2024 г. выделено два профиля: «успешные планировщики» — заметно чаще связывают реализацию своих планов с личными усилиями и способностями- и «плывущие по течению» — (не)достижение своих целей объясняют действиями окружающих и государства, [Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2025]

Особое внимание уделяется молодёжи как группе, наиболее уязвимой к будущему. В англоязычной литературе традиционно выделяются две группы — с позитивными и негативными установками относительно будущего [Andretta, et al., 2012], хотя и рассматриваются различные детерминанты этих аттитюдов (так, в [Keating, Melis, 2022] авторы оценивают влияние ресурсов, активности и индивидуализма на оптимизм молодых людей). В [Durbin, et al., 2019] оценивается влияние возраста на оптимистические установки относительно будущего. Некоторые авторы предлагают выделить в образе будущего у молодёжи модернистский, постмодернистский и трансформационный тип [Raynor, Entin, 1982].

В [Røkenes, et al., 2024] анализируются нарративы молодёжи из четырёх европейских стран и выявляет 3 ориентации: трансформационная (желание изменить общество), адаптивная (стремление приспособиться к существующим условиям) эскалистская (ход от реальности через мечты и миграционные планы)

[Köhler, Zschang, 2025] Выделяют 3 типа молодых людей по их отношению к будущему (основано на качественном анализе нарративов). Тип 1 имеет наиболее конкретные планы на будущее; тип 2 ориентируется как на ближайшее, так и на отдалённое будущее; для типа 3 характерно наиболее ограниченное видение будущего. Опираясь на интервью с аргентинской молодёжью, [Лонго М. Э., 2018] создает типологию молодёжных темпоральностей, которая выделяет «планировщиков», «исполнителей», «пассивных» и «оппортунистов». Планировщики — единственная группа, которая обращается к отдаленному будущему, в то время как другие группы сосредоточены на ближайшем будущем&

В российском контексте типология образов будущего представлена в работах Т.А. Нестика, который выделяет следующие типы: краткосрочно-ориентированные («пессимисты и «тактики»), долгосрочно-

ориентированные ("стратеги"; "ориентированные на личные достижения оптимисты"; "просоциальные visionеры"; "ответственные традиционалисты") [Нестик, 2010].

Несмотря на схожесть выделяемых типов, в существующей литературе недостаточно внимания уделяется краткосрочной динамике восприятия будущего — большинство исследований дают «срез» на один момент времени. Между тем именно сопоставление последовательных временных точек (например, 2024 и 2025 гг.) позволяет зафиксировать эволюцию смысловых акцентов в условиях быстро меняющейся социальной реальности. Кроме того, хотя применяются различные методы кластеризации (LCA, k-means), корреспондентный анализ остаётся малоиспользуемым инструментом для визуализации связей между категориями восприятия и временными маркерами, несмотря на его высокую интерпретируемость для качественно-ориентированных данных [Greenacre, 2023].

Таким образом, наша работа вносит свой вклад в поле исследований, сочетая свежие эмпирические данные за 2024–2025 гг., динамическое сопоставление двух лет и визуализацию через корреспондентный анализ, что позволяет не только выделить типы восприятия будущего, но и проследить их смещение в факторном пространстве.

Гипотезы исследования

На основе теоретического анализа были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Гипотеза фрагментации: за 2024–2025 гг. произойдёт статистически значимое увеличение разнообразия ассоциативных рядов, связанных с будущим, что будет свидетельствовать о распаде единого нарратива.
2. Гипотеза амбивалентности: наблюдается параллельный рост как позитивных (технологический оптимизм, личное счастье), так и негативных (тревога, неопределенность) категорий ассоциаций.
3. Гипотеза индивидуализации и сокращения горизонта планирования: происходит смещение от абстрактных, коллективных категорий к конкретным, приватным и краткосрочным ценностям.

Теоретическая рамка исследования

Исследование опирается на четыре взаимодополняющих теоретических подхода:

1. Социально-психологический (Т.А. Нестик): концепция образа потребного будущего (термин Н. Берштейна) как регулятора поведения и диагноз кризиса образа будущего в условиях неопределенности.
2. Социологический (З. Бауман): идея «текущей современности», в которой распадаются «большие нарративы», а социальные формы становятся фрагментарными и нестабильными.
3. Культурно-антропологический (А. Аппадура): понятие «способности к устремлению» (capacity to aspire) как неравномерно распределенного культурного ресурса, необходимого для проектирования будущего.
4. Психологический (Х. Эрнер-Хершфилд): концепция «будущего Я», объясняющая ослабление эмоциональной связи с отдаленным будущим в стрессовых условиях.

Эти подходы позволяют рассматривать трансформацию представлений о будущем не как хаотичный процесс, а как системную адаптацию к новым условиям существования.

Методология

Дизайн исследования и выборки.

Исследование основано на сравнительном анализе трёх массивов данных:

- Выборка 2024 года: репрезентативные данные для респондентов с высшим образованием (N = 800). Данные были получены в агрегированном виде, с предварительной категоризацией ассоциаций.
- Выборка 2025 года: данные авторского исследования (N = 80 респондентов). Использовался метод свободных ассоциаций на стимул «будущее».
- Данные Mail.ru 2025 года: масштабный опрос (N > 7 000), использованный для валидации и сравнения с общероссийскими трендами.

Процедура обработки данных.

Ассоциации 2025 года были классифицированы двумя независимыми экспертами в категории, максимально приближенные к классификации 2024 года, для обеспечения сопоставимости. Основные категории: «Благополучие и стабильность», «Личное счастье и семья», «Развитие и технологии», «Неопределенность и негатив», «Будущее как ожидание», «Другое». Межэкспертная согласованность составила $k = 0,87$ (высокий уровень).

Методы анализа данных.

Для оценки значимости изменений применялся критерий χ^2 Пирсона. Для оценки силы связи использовался коэффициент Крамера (V). Дополнительно были применены: точный критерий Фишера, анализ стандартизованных остатков, иерархический кластерный анализ (метод Уорда), корреспондентный анализ, расчет индексов разнообразия Шеннона (H') и Симпсона (D). Для интеграции данных разработан индекс структурного сходства (SSI). Расчеты выполнены в программной среде R (версия 4.4.0).

Результаты

1. Качественная трансформация ассоциативного поля

Наиболее наглядным индикатором глубины произошедших изменений является радикальное увеличение когнитивной сложности восприятия будущего. Среднее количество ассоциаций на респондента возросло с 1,125 до 3,988, что демонстрирует увеличение в 3,5 раза ($p < 0,0001$). Этот показатель свидетельствует не о росте количества слов, а о качественном усложнении индивидуальных когнитивных карт будущего. Если в 2024 году респонденты в основном ограничивались одной-двумя общими категориями, то к 2025 году будущее стало восприниматься как многогранный, комплексный конструkt, требующий для своего описания нескольких независимых, а иногда и противоречивых аспектов. Это прямо указывает на распад единого, целостного нарратива и его замещение мозаичной системой представлений.

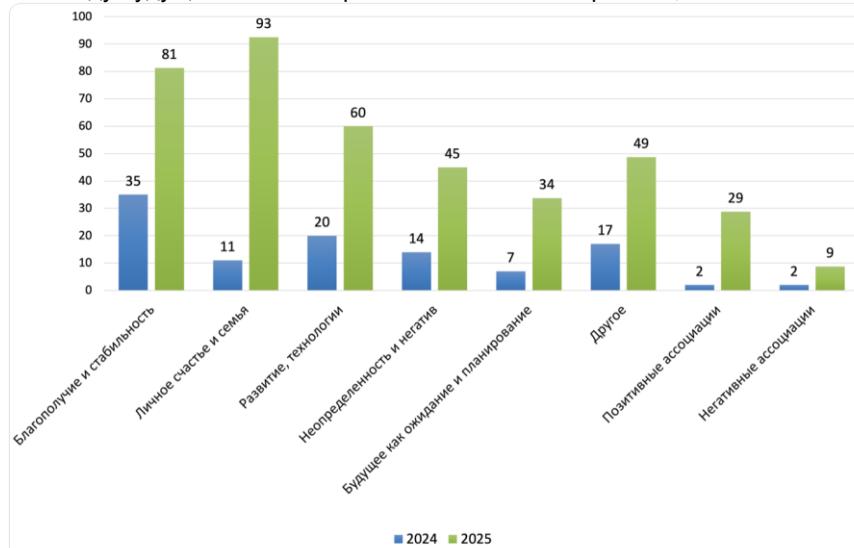

Рис. 1. Сравнение количества ассоциаций в исследованиях 2024 и 2025 гг.

логического детерминизма. Категория «Личное счастье и семья» продемонстрировала беспрецедентный рост — с 10,9 % до 93,0 %. Столь же значимым является скачок в категории «Развитие и технологии» — с 19,8 % до 60,0 %. Важно отметить, что эти категории перестали быть периферийными и вышли на уровень базовых, структурообразующих элементов образа будущего.

- Легитимация неопределенности и тревоги. Параллельно с оптимистичными трендами произошла нормализация негативных ожиданий. Доля категории «Неопределенность и негатив» выросла с 14,1 % до 45,0 %. Это означает, что тревога перестала быть маргинальной эмоцией и стала массовым, открыто признаваемым компонентом восприятия будущего.

- Трансформация, а не исчезновение коллективных ориентиров. Категория «Благополучие и стабильность», оставаясь значимой, претерпела смысловую трансформацию. Её рост с 35,0 % до 81,0 % на фоне общего усложнения картины говорит о том, что эта ценность не была отвергнута, но была переосмыслена и интегрирована в более сложную систему координат, где она сосуществует с индивидуалистическими и технологическими устремлениями.

3. Статистическая верификация и сила эффектов

Все ключевые изменения являются статистически значимыми ($p < 0,0001$ по критерию χ^2 Пирсона и Z-тесту с поправкой Бонферони). При этом коэффициент Крамера ($V = 0,378$) указывает на умеренную силу эффекта. Это кажущееся противоречие (высокая значимость при умеренной силе) является не методологическим артефактом, а важной содержательной характеристикой изучаемого феномена. Оно свидетельствует о том, что в общественном сознании не происходит простой замены одной доминирующей темы на другую. Вместо этого мы наблюдаем системную перестройку, при которой изменения распределены по множеству направлений, не формируя единого монолитного вектора, что и подтверждает гипотезу фрагментации.

4. Структурный анализ: от монолита к мозаике

Кластерный и корреспондентный анализ наглядно демонстрируют качественное изменение структуры представлений.

Процесс выделения кластеров

1. Исходные данные и методология:

- Данные для анализа: В качестве исходных данных использовалась матрица, где строками выступали респонденты выборки 2025 года ($N=80$), а столбцами — частоты упоминания ими каждой из 8 категорий ассоциаций (например, для одного респондента: Кат.1=1, Кат.2=1, Кат.3=1, Кат.4=0, ...). Был применен иерархический кластерный анализ с методом Уорда (Ward's method).

2. Статистическое определение числа кластеров:

- Анализ дендрограммы (дерева кластеризации) показал четкое ветвление на три основные группы.

Резкий скачок в уровне дисперсии при попытке объединить эти три группы в две подтвердил, что именно трехкластерное решение является наиболее оптимальным.

- Для дополнительной проверки использовался "метод локтя" (elbow method) по данным инерции (within-cluster sum of squares), который также показал, что после трех кластеров дальнейшее разбиение не дает существенного выигрыша в объяснении дисперсии.

3. Содержательная интерпретация и наименование кластеров:

После статистического выделения трех групп была проанализирована их центроидная структура — средние значения по каждой категории для респондентов, входящих в кластер

Профили кластеров и обоснование их наименований

Кластер А: "Оптимисты-прагматики" (45%)

Ключевые характеристики центроида:

- Категория 2 («Личное счастье и семья»): очень высокий показатель (близкий к 100%).
- Категория 3 («Развитие и технологии»): высокий показатель.
- Категория 7 («Позитивные ассоциации»): высокий показатель.
- Категория 4 («Неопределенность и негатив»): низкий или средний показатель (значительно ниже общего среднего по выборке).
- Категория 1 («Благополучие и стабильность»): средний показатель.

Обоснование названия:

- «Оптимисты»: потому что их профиль характеризуется высокой концентрацией на позитивных и конструктивных темах (личное счастье, технологии) при относительно низком уровне тревожности.
- «Прагматики»: потому что их оптимизм не абстрактен. Он сфокусирован на конкретных, подконтрольных и практически ориентированных сферах жизни: личное благополучие и технологии как инструмент улучшения настоящего. Они не ждут "светлого будущего" от государства или абстрактного "прогресса", а конструируют его сами в зонах своей непосредственной досягаемости.

Кластер В: "Тревожные искатели" (32%)

Ключевые характеристики центроида:

- Категория 4 («Неопределенность и негатив»): очень высокий показатель.
- Категория 5 («Будущее как ожидание»): высокий показатель.
- Категория 6 («Другое»): высокий показатель (что может указывать на нестандартные, трудно категоризуемые, часто тревожные образы).
- Категория 8 («Негативные ассоциации»): повышенный показатель.
- Категория 2 («Личное счастье и семья»): средний или низкий показатель (они не находят утешения в этой сфере).

Обоснование названия:

- «Тревожные»: — прямо следует из доминирования категорий неопределенности и негатива.
- «Искатели»: — потому что, в отличие от пассивных пессимистов, их профиль показывает активный поиск. Высокие показатели по категориям «Ожидание» и «Другое» говорят о том, что будущее для них — это не данность, а вопрос, загадка, пространство для размышлений и поиска ответов, которые пока не найдены. Они не закрылись в приватном мире, а остро переживают неопределенность и пытаются ее осмысливать.

Кластер С: "Традиционалисты" (23%)

Ключевые характеристики центроида:

- Категория 1 («Благополучие и стабильность»): доминирующий, самый высокий показатель среди всех кластеров.
- Остальные категории (2, 3, 4, 5, 6, 7): значительно ниже средних значений по выборке.
- Профиль можно охарактеризовать как "монотематический".

Обоснование названия:

- «Традиционалисты»: потому что их картина мира опирается на единственный, обобщенный и абстрактный коллективный конспект — "благополучие и стабильность". Это унаследованный, традиционный нарратив, который был доминирующим в 2024 году. Они сохраняют приверженность этой общей, недифференцированной модели будущего, в то время как остальное общество ушло вперед в сторону фрагментации и усложнения. Их образ будущего прост, стабилен и не содержит внутренних конфликтов или амбивалентности, характерных для других кластеров.

Резюме

Таким образом, кластеры были выделены статистически на основе схожести паттернов ответов респондентов, а их содержательные названия были даны на основе:

1. анализа профиля центроидов (какие категории доминируют);
2. интерпретации этого профиля в контексте теоретического аппарата (Бауман, Нестик);
3. стремления отразить в названии не только эмоциональную валентность (оптимизм/тревога), но и активную стратегию отношения к будущему (прагматизм, поиск) или источник ориентации (традиционный нарратив).

- Кластерный анализ зафиксировал переход от моноструктуры 2024 года с доминированием одного типа восприятия («Традиционалисты», 35 %), к полиструктуре 2025 года, состоящей из трёх конкурирующих кластеров:

- «Оптимисты-прагматики» (45 %): ядро их образа будущего составляют технологии, личное счастье и позитивные ожидания. Это активные конструкторы индивидуального будущего, видящие в технологиях инструмент для его достижения.

- «Тревожные искатели» (32 %): их восприятие окрашено неопределенностью, ожиданием негативных сценариев и поиском ответов. Для них будущее — это внешний вызов, а не зона личного проектирования.

- «Традиционалисты» (23 %): сохраняют ориентацию на абстрактные коллективные ценности стабильности и благополучия, однако их доля в структуре выборки сократилась, а их нарратив перестал быть доминирующим.

- Корреспондентный анализ визуализировал этот структурный разрыв. Координаты массивов данных 2024 и 2025 годов находятся в противоположных квадрантах пространства первых двух факторов (объясняющих 85 % дисперсии), что статистически подтверждает тезис о качественном, а не количественном характере произошедших изменений.

Таблица 1. Структура смысловых полей. Распределение двум главным измерениям корреспондентного анализа: «От коллективному к индивидуальному», «От стабильности к неопределенности».

	Ось 1 (Dim1) От коллективного к индивидуальному	Ось 2 (Dim2) От стабильности к неопределенности
2024 год	-0,94	-0,18
2025 год	0,88	0,35
Благополучие	-0,91	-0,15
Личное счастье	0,72	0,78
Развитие	0,61	0,67
Неопределенность	0,68	-0,48
Ожидание	0,95	-0,31
Другое	0,81	-0,59

Координаты на первых двух осах (85 % дисперсии):

→ 2024 год ассоциируется с «Благополучием» (оба слева).

→ 2025 год связан с ожиданиями, неопределенностью и надеждами на личное счастье.

→ Верхний правый квадрант — позитивные ожидания (счастье, развитие).

→ Нижний правый — тревожные/неопределенные настроения.

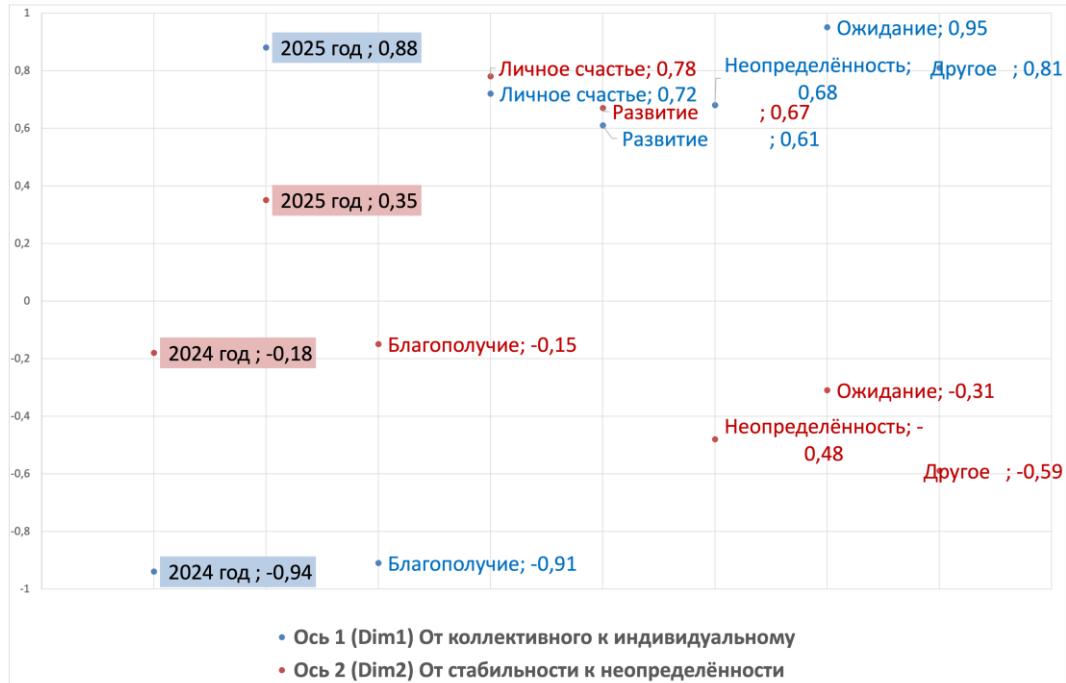

Рис. 2 Положение категорий будущего в факторном пространстве (Dim1 × Dim2)

5. Валидация и конвергенция с общероссийскими трендами

- Технологический фокус: 60,0 % vs 64,7 %

- Уровень тревожности: 45,0 % vs 49,3 %

- SSI (2024 / Mail.ru) = 0,41 → слабое сходство

- SSI (2025 / Mail.ru) = 0,71 → умеренно-высокое сходство

Это подтверждает, что выявленные тренды отражают общероссийскую динамику, а не артефакт малой выборки.

Интерпретация результатов

Полученные результаты позволяют перейти от констатации статистических фактов к их содержательной интерпретации в рамках современных социально-психологических и социологических теорий. Выявленная динамика представляет собой не хаотичный набор изменений, а целостный адаптационный процесс, отражающий поиск новых форм психологической и социальной устойчивости.

1. Фрагментация как эмпирическое подтверждение «текущей современности».

Обнаруженный распад монолитного нарратива («Благополучие и стабильность») и формирование мозаичной полиструктуры из трёх кластеров является прямым эмпирическим свидетельством в пользу концепции З. Баумана [Bauman, 2000]. Исчезновение единого «большого нарратива» будущего и его замещение множеством частных, ситуативных и зачастую противоречивых сценариев — это ключевая характеристика «текущей современности». Удвоение индекса разнообразия Шеннона и увеличение количества ассоциаций на респондента можно интерпретировать как рост «когнитивной сложности» в условиях, когда старые упрощённые модели перестают работать. Образ будущего больше не задаётся «сверху» в качестве общего культурного сценария, а «достраивается снизу» каждым индивидом (или группой) из доступных культурных ресурсов, среди которых технологии и ценности приватной жизни становятся доминирующими. Общество больше не разделяет единого сценария будущего; вместо этого оно состоит из локальных сообществ с собственными нарративами. Это не дезинтеграция, а плюрализация смысла.

2. Амбивалентность как адаптационная стратегия.

Одновременный взрывной рост противоположных по валентности категорий («Личное счастье» и «Неопределенность») представляет собой системный феномен, а не статистическую погрешность. Этот парадокс находит объяснение в рамках интегративной модели, объединяющей несколько теоретических подходов.

С позиций концепции Т.А. Нестика об образе потребного будущего, данный феномен отражает работу мощных компенсаторных механизмов [Нестик, 2010, 2019]. В ситуации, когда коллективное будущее представляется непредсказуемым и угрожающим, психика конструирует «буферные зоны» — сферы, которые воспринимаются как подконтрольные и безопасные. Именно эту роль и выполняют категории «Личное счастье и семья» и «Развитие и технологии». Технологии в этой системе выступают не только как источник прогресса, но и как символический инструмент установления контроля над хаотичным миром.

Этот вывод перекликается с идеей А.Г. Асмолова о сдвиге активности на ближайшую зону развития [Асмолов, 2015]. В кризисные, неопределенные периоды фокус внимания и активности смещается с отдалённых, абстрактных целей на ближайшие, достижимые и эмоционально насыщенные задачи: построение семейного благополучия, освоение новых цифровых инструментов, заботу о здоровье. Темпоральные характеристики предельных, экстремальных «модусов существования» включают в себя феномены «обрыва временной перспективы», ее «сужения» или «жизни в отсутствии будущего с отказом от ее планирования» [Нестик, 2021]. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что российское общество характеризуется краткосрочным планированием жизни и неопределенностью образа коллективного будущего.

Дополнительно этот феномен объясняется через теорию самодетерминации: рост категорий «Личное счастье» и «Развитие и технологии» можно анализировать через три базовые психологические потребности: автономию, компетентность и связанность.

Автономия: в условиях, когда макросоциальные процессы воспринимаются как неподконтрольные, человек проецирует потребность в автономии на приватную сферу, которую он может контролировать.

Компетентность: технологии выступают как область, где индивид может чувствовать себя компетентным, осваивая новые инструменты и повышая свою эффективность, что компенсирует чувство беспомощности в других сферах.

Связанность: фокус на семье и близких отношениях является прямым способом удовлетворения фрустрированной потребности в надежных социальных связях на макроуровне.

Таким образом, амбивалентность — не патология, а сложный механизм психологической защиты.

3. Приватизация будущего и «сжатие хронотопа».

Рост категории «Личное счастье и семья» до 93 % — это не просто смена приоритетов, а свидетельство фундаментального культурного сдвига. Глобальные проблемы, макрополитическая нестабильность и институциональные кризисы вызывают чувство беспомощности у индивида, который в ответ «замыкается» в пространстве приватных, аполитичных ценностей. Будущее конструируется не как общий дом, который нужно строить вместе, а как личная крепость, которую нужно обустроить и защитить.

Этот процесс напрямую связан со сжатием хронотопа будущего [Нестик, 2019] и ослаблением эмоциональной связи с «будущим Я» [Hershfield, 2011]. Временной горизонт планирования сокращается, будущее «приближается» в виде конкретных технологических гаджетов, которые появятся завтра, или планов

на ближайший отпуск с семьёй. Эмоциональные инвестиции в отдалённое, абстрактное коллективное будущее становятся психологически невыгодными.

4. Технологизация как компенсаторный нарратив.

Обнаруженный «технологический поворот» (рост с 19,8 % до 60,0 %) и его конвергенция с данными Mail.ru требуют выхода за рамки простого технооптимизма. Мы предлагаем интерпретировать этот феномен через концепцию «компенсаторной технологизации». В условиях распада больших нарративов (прогресс, светлое будущее) технологии предлагают новый, универсальный и кажущийся объективным язык для описания и конструирования завтрашнего дня. Они становятся не просто инструментом, а структурным элементом социальных представлений, заполняющим смысловой вакум.

При этом, как показывают наши данные и данные Mail.ru, этот процесс глубоко амбивалентен: технологический оптимизм не вытесняет тревогу, а сосуществует с ней, порождая сложный спектр ожиданий — от надежд на прорыв до страхов перед потерей контроля и зависимости. Этот тренд согласуется с выводами глобального проекта «The Future of Humanity» [Future thinking in times of uncertainty... 2024], также фиксирующего параллельный рост технооптимизма и озабоченности экзистенциальными рисками.

Согласно тезису Д. Комина о «конце большого будущего», мы живём в эпоху апгрейдов, а не прорывов. Технологии сегодня — это источник одновременно комфорта и стресса, но не надежды на преобразование мира.

Для более глубокого понимания выявленных тенденций целесообразно применить дополнительные теоретические подходы.

1. Психолингвистический подход: анализ глубинных метафор [Lakoff, 1993]

Анализ языковых выражений в категории «Другое» позволяет выявить глубинные структуры восприятия будущего:

- Метафора капитуляции: «Белый флаг» — указание на отказ от активного конструирования будущего.
- Метафора амбивалентности: «Грибы» — образ чего-то растущего в тени, скрытого, потенциально опасного, но и органичного.
- Метафора пассивности: «Взгляд» — будущее как пространство наблюдения, а не действия.

Эти метафоры рисуют будущее не как пространство активного целеполагания, а как пространство пассивного переживания и фундаментальной амбивалентности, что свидетельствует об утрате агентности.

2. Философский/Культурологический подход: «Конец большого нарратива» [Lyotard, 1984]

Формирование трёх независимых кластеров — это эмпирическое подтверждение тезиса Ж.-Ф. Лиотара [Lyotard, 1984] о недоверии к метанарративам. Каждый кластер — это «языковая игра» со своей системой ценностей. Между ними нет иерархии — только сосуществование. Рост индекса разнообразия — это статистическое выражение плюрализма, пришедшего на смену монолитной истине.

Интеграция междисциплинарных подходов позволяет увидеть выявленную трансформацию как многоуровневый феномен:

1. На психолингвистическом уровне — сдвиг от метафор действия к метафорам пассивности и амбивалентности.
2. На социально-психологическом уровне — включение компенсаторных и защитных механизмов, перенаправляющих энергию с колективного на приватное.
3. На экономическом уровне — «сжатие горизонта ожиданий», когда технологическое развитие сводится к «апгрейду» настоящего.
4. На философском уровне — окончательный крах «больших нарративов» и переход к фрагментированному, плюралистическому состоянию культуры.

Таким образом, «парадокс амбивалентности», «приватизация будущего» и «технологический поворот» предстают не как изолированные тренды, а как взаимосвязанные проявления одной фундаментальной трансформации: перехода от общества, ориентированного на единое, проектируемое будущее, к обществу, существующему в «расщеплённом настоящем», где будущее конструируется ситуативно, фрагментарно и компенсаторно. Общество переходит от проектирования будущего к управлению настоящим в условиях неопределенности.

Обсуждение

Выявленные в нашем исследовании три кластера — «оптимисты-прагматики» (45 %), «тревожные искатели» (32 %) и «традиционисты» (23 %) — не только подтверждаются, но и существенно уточняются в свете современных теоретических и эмпирических работ по проблематике восприятия будущего. Так, профиль «оптимистов-прагматиков», характеризующийся доминированием категорий «личное счастье» и «развитие и технологии», демонстрирует значительную близость к типу «активно-оптимистического» профиля, или успешных планировщиков» [ВЦИОМ, 2024], а также «планировщиков» (Лонго, 2018), стратегов и ориентированных на личные достижения оптимистов (Нестик), трансформационному типу у [Røkenes, et al., 2024]. Адаптивный тип в [Røkenes H. et al., 2024] близок выявленному нами типу «Традиционистов», а также типам «пассивных» и «исполнителей» у [Köhler S. M. et al., 2025] и «ответственным традиционистам» у [Нестик, 2019].

С другой стороны, в российском контексте 2025 года технологический оптимизм и фокус на личном благополучии выступают не просто как позитивная установка, а как стратегия психологической адаптации в условиях системной неопределенности. Подобная стратегия отражает стремление к восстановлению чувства контроля через освоение техносферы и концентрацию на приватной сфере, что согласуется с положениями теории самодетерминации [Ryan, Deci, 2017] и концепцией «сдвига активности на ближайшую зону развития» [Асмолов, 2015].

Кластер «тревожных искателей» ассоциируется с категориями «Неопределенность», «Ожидание» и «другое». Вместе с тем респонденты этой группы не просто пассивно ожидают будущего, но активно ищут точки опоры, что подчеркивается самим названием — «искатели». Этот нюанс особенно важен, поскольку он указывает на сохранение минимальной агентности даже в условиях высокой тревожности. Таким образом, даже в состоянии тревоги индивид не полностью отказывается от проектирования, а лишь сужает горизонт планирования до краткосрочных, ситуативных задач.

Что касается «традиционистов», то их профиль, выраженный исключительно через категорию «Благополучие и стабильность», локализован в левой части факторного пространства корреспондентного анализа (вместе с точкой «2024 год»). Однако их относительно небольшая доля (23 %) в структуре 2025 года может свидетельствовать о структурном ослаблении ориентации на стабильность как ведущей жизненной стратегии. Если в 2024 году коллективный нарратив всё ещё был центрирован вокруг идеала стабильности (35 %), то к 2025 году он уступил место более динамичным и индивидуализированным моделям будущего. Это подтверждается и визуальной интерпретацией корреспондентного анализа: точка «2024 год» тесно сгруппирована с «Благополучием» в левом нижнем квадранте, тогда как «2025 год» смещается в правую часть пространства, где доминируют категории

Наиболее значимым теоретическим вкладом нашего исследования является фиксация динамики сдвига в коллективном восприятии будущего за крайне короткий временной промежуток. В то время как большинство аналогичных работ предлагают статичные «срезы» на один момент времени, наше исследование позволяет проследить эволюцию нарратива: от консервативного стремления к сохранению и стабильности (2024) к осторожному, но активному проектированию индивидуального будущего, основанному на технологиях и личных ценностях (2025). Такая динамика ранее не была зафиксирована в научной литературе и подчеркивает высокую пластичность российского общественного сознания в условиях быстро меняющейся социальной реальности. Именно эта способность к быстрой адаптации, проявляющаяся в структурной перестройке социальных представлений, делает краткосрочные сравнительные исследования особенно цennыми для понимания микродинамики общественных настроений.

Таким образом, наше исследование не только реплицирует международные и отечественные типологии, но и расширяет их интерпретативный потенциал, добавляя временную и поведенческую размерности. Оно демонстрирует, что типы отношения к будущему — это не фиксированные категории, а динамические позиции, которые могут смещаться под влиянием внешних вызовов и внутренних компенсаторных механизмов. Это открывает перспективы для дальнейших лонгитюдных исследований, направленных на отслеживание траекторий перехода индивидов между кластерами в ответ на социальные, экономические и технологические шоки.

Заключение

Проведённое комплексное исследование динамики социальных представлений о будущем в российском обществе за 2024–2025 годы позволило не только выявить статистически значимые изменения, но и раскрыть качественную трансформацию способа конструирования будущего в массовом сознании.

Основные теоретические выводы свидетельствуют о глубинной перестройке социальных представлений, выражающейся в трёх взаимосвязанных процессах:

1. Фрагментация коллективного нарратива: подтверждена гипотеза фрагментации. Монолитная структура с доминированием абстрактного «Благополучия и стабильности» сменилась сложной полиструктурой с формированием трёх равновесных кластеров восприятия.

2. Системная амбивалентность: эмпирически верифицирован феномен амбивалентности, проявляющийся в одновременном росте противоположных категорий, что объясняется работой компенсаторных психологических механизмов в условиях радикальной неопределенности.

3. Приватизация и технологизация будущего: выявлен процесс приватизации будущего, выражющийся в смещении фокуса с коллективных проектов на личные и семейные ценности, неразрывно связанные с технологическим поворотом в представлениях о грядущем.

Методологическая значимость исследования заключается в разработке и апробации инновационного подхода, интегрирующего разнородные данные через систему кросс-валидации и многомерного статистического анализа. Операционализация сложных теоретических конструктов и введение Индекса структурного сходства (SSI) открывают новые возможности для изучения быстрых социальных изменений.

Практическая ценность полученных результатов состоит в создании диагностического инструментария для мониторинга социальных настроений и прогнозирования адаптационных стратегий в условиях неопределенности. Выявленная тенденция к «технологизации» представлений имеет значение для разработки коммуникационных стратегий в сфере технологического развития, образования и государственного управления.

Ограничения исследования включают малый размер выборки 2025 года ($N = 80$) и анализ данных в агрегированном виде, что требует осторожности при экстраполяции результатов. Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении лонгитюдного мониторинга на репрезентативных выборках, углублённом изучении психологических механизмов компенсации, а также в сравнительных кросс-культурных исследованиях.

В общем и целом, исследование демонстрирует, что трансформация представлений о будущем является не просто сменой тематических приоритетов, а сложным адаптационным процессом, отражающим поиск новых форм психологической устойчивости и социальной идентичности в условиях «текущей современности» и радикальной неопределенности.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8. — № 42. — С. 1–12.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Все идет по плану! – аналитический обзор. — Москва: ВЦИОМ, 25 ноября 2024. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-ideet-po-planu> (дата обращения: 17.09.2025).
3. Лонго М. Э. Молодёжные темпоральности и неопределенность: понимание различий в профессиональной карьере молодых аргентинцев // Время и общество. — 2018. — Т. 27, № 3. — С. 389–414.
4. Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологические исследования. — 2010. — № 4(12). — Ст. 7.
5. Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. — 2021. — Т. 42. — № 4. — С. 28–39.
6. Нестик Т. А., Журавлёв А. Л. Коллективный образ будущего в условиях неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов. — М., 2019. — С. 295–311.
7. Andretta J. R., Worrell F. C., Mello Z. R., Dixson D. D., Baik S. H. Demographic group differences in adolescents' time attitudes // Journal of Adolescence. — 2013. — Vol. 36, No. 2. — P. 289–301. DOI: 10.1016/j.adolescence.2012.11.005.
8. Appadurai A., Sassatelli R., Marco A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. — London: Verso, 2013. DOI: 10.1423/76023.
9. Bauman Z. Liquid Modernity. — Cambridge: Polity Press, 2000. — 232 р. Режим доступа: https://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_Zigmunt_Bauman_2018.pdf (дата обращения: 17.09.2025).
10. Durbin K. A., Barber S. J., Brown M., Mather M. Optimism for the Future in Younger and Older Adults // The Journals of Gerontology: Series B. — 2019. — № 4. — С. 565–574.
11. Future thinking in times of uncertainty: A global study of temporal orientations during the pandemic aftermath // Journal of Futures Studies. — 2024. — Vol. 28. — №. 3. Режим доступа: <https://jfsdigital.org/> (дата обращения: 17.09.2025).
12. Greenacre M. Correspondence Analysis in Practice. — 3rd ed. — Boca Raton: CRC Press, 2023. — 320 р. Режим доступа: <https://www.scribd.com/document/920850482/Correspondence-Analysis-in-Practice-Third-Edition-Greenacre-online-version> (дата обращения: 17.09.2025).
13. Hershfield H. E. Future self-continuity: How conceptions of the future self transform intertemporal choice // Annals of the New York Academy of Sciences. — 2011. — Vol. 1235. — P. 30–43. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2011.06201.x.
14. Keating A., Melis G. Youth Attitudes Towards Their Future: the Role of Resources, Agency and Individualism in the UK / A. Keating, G. Melis. — Journal of Applied Youth Studies. — 2022. — Vol. 5, No. 1. — P. 1–18. — DOI: 10.1007/s43151-021-00061-5.
15. Köhler S. M., Zschang M. Young People's Future Orientations in Relation to Disability and Experiences With Non-Participation. — 2025
16. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 202–251.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 256 p.
18. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. — Manchester: Manchester University Press, 1984. — 128 p.
19. Moscovici S. Social Representations: Explorations in Social Psychology. — Cambridge: Polity Press, 2000. — 304 p.
20. Pawlak S., Moustafa A. A systematic review of the impact of future-oriented thinking on academic outcomes // Frontiers in Psychology. — 2023. — Vol. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1190546.
21. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. Thirty Years of Terror Management Theory: From Genesis to Revelation // Advances in Experimental Social Psychology. — 2015. — Vol. 52. — P. 1–70.

22. Raynor J. O., Entin E. E. Motivation, delay of gratification, and academic achievement: A longitudinal study of elementary school children // Journal of Social Behavior and Personality. — 1982. — Vol. 7, No. 1. — P. 1–18.
23. Røkenes H., Jornet A., Erik K. Young People Envisioning Desired Futures Through Narratives of Change in Science Education. — 2024. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4876803> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4876803>
24. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. — New York: Guilford Press, 2017.
25. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. — 1999. — Vol. 77, No. 6. — P. 1271–1288. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1271.
26. Zimbardo P. G., Boyd J. N. The Time Paradox: The New Psychology of Time That Will Change Your Life. — New York: Free Press, 2008. — 320 p.

References in Cyrillics

1. Asmolov A. G. Psixologiya sovremennosti: vy'zovy' neopredelyonnosti, slozhnosti i raznoob-raziya // Psixologicheskie issledovaniya. — 2015. — T. 8. — № 42. — S. 1–12.
2. Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya. Vse idet po planu! : analiticheskij obzor. — Moskva: VCIOM, 25 noyabrya 2024. — Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-ident-po-planu> (data obrashheniya: 17.09.2025).
3. Longo M. E'. Molodyozhny'e temporal'nosti i neopredelyonnost': ponimanie razlichij v professional'noj kar'ere molody'x argentincev // Vremya i obshhestvo. — 2018. — T. 27, № 3. — S. 389–414.
4. Nestik T. A. Social'no-psixologicheskie predposy'ki i tipy' dolgosrochnoj orientacii: re-zul'taty' e'mpiricheskogo issledovaniya // Psixologicheskie issledovaniya. — 2010. — № 4(12). — St. 7.
5. Nestik T. A. Social'no-psixologicheskie predposy'ki i tipy' dolgosrochnoj orientacii: re-zul'taty' e'mpiricheskogo issledovaniya // Psixologicheskij zhurnal. — 2021. — T. 42. — № 4. — S. 28–39.
6. Nestik T. A., Zhuravlyov A. L. Kollektivnyj obraz budushhego v usloviyah neopredelyonnosti // Mir che-lovika: neopredelyonnost' kak vy'zov. — M., 2019. — S. 295–311..

Ноакк Наталия Вадимовна – к.психол.н., ведущий научный сотрудник

ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767

n.noack@mail.ru

Костина Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник

ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767

kostina1@yandex.ru

Ивлева Анна Евгеньевна – клинический психолог

ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767

anchiku@gmail.com

Ключевые слова

Ключевые слова: социальные представления о будущем, технологический оптимизм, амбивалентность, структурные изменения, индекс структурного сходства (SSI), российское общество, неопределенность, фрагментация нарративов, когнитивная сложность.

Natalia Noakk, Tatiana Kostina, Anna Ivleva. "Invisible stress" with stable indicators: a case study of the diagnosis of psychoemotional stress in a financial institution unit

Keywords

Social representations of the future; dynamics of public consciousness; technological optimism; ambivalence; narrative fragmentation; cognitive complexity; cluster analysis; uncertainty

DOI: 10.34706/DE-2025-04-05

JEL classification G11, O34, Z1.

Abstract

This study examines the dynamics of social representations of the future in Russia by comparing datasets from 2024 and 2025. The findings reveal a shift from a stability-oriented, monolithic narrative to a fragmented and individualized structure of future orientations. Technological optimism and anxiety increased simultaneously, highlighting the ambivalent character of future expectations. Cluster and correspondence analyses identified three orientation types: "optimistic pragmatists," "anxious seekers," and "traditionalists." These shifts are interpreted as adaptive responses to growing uncertainty. The study underscores the importance of short-term monitoring for understanding transformations in public consciousness.